

Исчезновение гражданина Узбекистана; необходимость более действенной защиты в делах об экстрадиции

Сегодня Европейский Суд по правам человека, заседая в составе **Палаты**, вынес постановление по делу **Мамажонов против России** (Mamazhonov v. Russia, жалоба номер 17239/13), касающемуся жалоб гражданина Узбекистана на пытки и ненадлежащее обращение в случае экстрадиции в Узбекистан, а также исчезновение заявителя и его возможное похищение в ходе рассмотрения его дела Европейским Судом по правам человека.

В деле заявителя Суд единогласно установил:

Нарушение статьи 3 Конвенции (запрет пыток и унижающего достоинство обращения), поскольку российские власти не рассмотрели надлежащим образом утверждения заявителя о существовании реального и неотвратимого риска пыток и унижающего достоинство обращения в Узбекистане;

Нарушение статьи 3 Конвенции, поскольку одобрение властями экстрадиции г-на Мамажонова в Узбекистан подвергло его реальному и неотвратимому риску пыток и унижающего достоинство обращения;

Нарушение статьи 3 Конвенции, поскольку власти после освобождения г-на Мамажонова из под стражи не предприняли в его отношении защитных мер для предотвращения риска пыток и унижающего достоинство обращения;

Нарушение статьи 3 Конвенции в связи с неэффективным расследованием исчезновения г-на Мамажонова; и

Отсутствие нарушения статьи 3 Конвенции в связи с исчезновением заявителя, поскольку участие российских властей в исчезновении г-на Мамажонова не было доказано.

Суд также постановил, что Российская Федерация **пренебрегла обеспечительной мерой** (применённой в соответствии со статьёй 39 Регламента Суда), запрещающей экстрадицию г-на Мамажонова в Узбекистан, и тем самым **не выполнила своих обязательств по статье 34 Конвенции (право на подачу индивидуальной жалобы)**. С учетом повторяющихся инцидентов в экстрадиционных делах против России, а также поскольку российские власти не предприняли необходимых защитных мер против исчезновения г-на Мамажонова и его возможного перемещения в Узбекистан, Суд был вынужден прийти к выводу, что власти (как минимум) создали сомнительную ситуацию, в которой г-н Мамажонов не мог далее участвовать в рассмотрении дела Европейским Судом.

Опираясь на статью 46 Конвенции (обязательная сила и исполнение постановлений), Суд посчитал строго необходимыми дальнейшее максимально усердное уголовное расследование российскими властями исчезновения г-на Мамажонова, а также все иные меры в компетенции властей, направленные на устранение найденных нарушений и исправление их последствий. Суд также отметил, что хотя недавно принятое Постановление Пленума Верховного Суда в принципе позволяет судам осуществлять должное рассмотрение дел об экстрадиции, Верховный Суд сам не следовал ему в деле г-на Мамажонова. Суд подчеркивает, что надлежащее и последовательное применение данного Постановления Пленума ВС способно улучшить функционирование национальных средств правовой защиты в делах об экстрадиции и депортации.

На основании статьи 39 Регламента, Суд также принял решение продлить действие запрета на высылку г-на Мамажонова до вступления данного постановления в силу.

Основные факты

Заявитель, Икромжон Мамажонов, родившийся в 1968 году, является гражданином Узбекистана. В 2008 году он покинул Узбекистан с поддельным киргизским паспортом и въехал на территорию Российской Федерации.

В январе 2009 года г-ну Мамажонову в Узбекистане было заочно предъявлено обвинение в совершении тяжких преступлений, в частности терроризм, религиозный экстремизм, контрабанда; также ему была заочно избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В июне 2012 года он был задержан на железнодорожном вокзале г. Оренбурга, допрошен и помещен в СИЗО-3 г. Оренбурга. После получения дипломатических гарантий со стороны узбекских властей относительно соблюдения стандартов прав человека в случае экстрадиции г-на Мамажонova, 12 ноября 2012 органы прокуратуры удовлетворили запрос об экстрадиции в отношении обвинений в терроризме, участии в незаконном вооруженном формировании, а также незаконном пересечении границы Узбекистана. Г-н Мамажонов утверждал, что в случае экстрадиции в Узбекистан он будет подвергнут пыткам и унижающему достоинство обращению, поскольку его преследуют за совершение преступлений, связанных с его религиозными убеждениями, а тем самым он попадает в группу риска. Представитель г-на Мамажонova в обоснование данной позиции в своих обращениях в национальные органы ссылался, в том числе на Постановление Пленума ВС от 14 июня 2012 года, которое предписывает российским судам оценивать не только общую ситуацию в стране, но и конкретную ситуацию лица, в отношении которого начата процедура экстрадиции. Он также ссылался на постановления Европейского Суда по правам человека по делам об экстрадиции в Узбекистан и отчеты ООН о ситуации в стране. 12 марта 2013 года Верховный Суд Российской Федерации в последней инстанции отказал заявителю в жалобах на решение органов прокуратуры об удовлетворении экстрадиционного запроса, в том числе указав, что не было предоставлено убедительных доказательств тому, что узбекские власти могут подвергнуть заявителя пыткам или унижающему достоинство обращению.

11 марта 2013 года Европейский Суд по правам человека применил в отношении заявителя обеспечительную меру, в соответствии со статьей 39 Регламента Суда, запретив Российской Федерации экстрадировать заявителя до дальнейшего решения Суда.

Ввиду отсутствия правовых оснований для дальнейшего содержания г-на Мамажонova под стражей, 13 июня 2013 года он был выпущен на свободу. Несмотря на неоднократные запросы о времени освобождения из под стражи, его представитель не присутствовал при данной процедуре. В тот же день представитель г-на Мамажонova уведомил Европейский Суд по правам человека об исчезновении заявителя и его возможном похищении. Он также незамедлительно информировал об инциденте российские власти, утверждая, что г-н Мамажонов может быть незаконно перемещен в Узбекистан, где к нему могут быть применены пытки. Уголовное расследование исчезновения заявителя было начато лишь 27 июня 2013 года, а следственные действия включали осмотр камеры г-на Мамажонova в СИЗО-3 г. Оренбурга, изъятие записей камер слежения, допросы сотрудников СИЗО, ознакомление с экстрадиционными материалами, установление возможных контактов, а также мониторинг продажи билетов на воздушный и железнодорожный транспорт.

Информация о ходе расследования после августа 2013 года отсутствует. Текущее местонахождение г-на Мамажонova неизвестно.

Жалобы, процедура и состав Суд

Ссылаясь на статью 3 Конвенции (запрет пыток и унижающего достоинство обращения), г-н Мамажонов жаловался в частности на отсутствие должного рассмотрения российскими властями его заявлений о риске подвергнуться ненадлежащему обращению в случае

экстрадиции в Узбекистан. Представители заявителя утверждали, что российские власти были вовлечены в исчезновение г-на Мамажонова, а также что последующее расследование было неэффективным. Также они утверждали, что национальные власти не предприняли достаточных защитных мер в отношении г-на Мамажонова, тем самым нарушив свои обязательства по статье 34 Конвенции (право на подачу индивидуальной жалобы) и статье 39 Регламента Суда.

Жалоба была подана в Европейский Суд по правам человека 8 марта 2013 года.

Постановление было вынесено Палатой из семи судей в следующем составе:

Изабель **Берро-Левевр** (Монако), *Председатель*,

Элизабет **Штайнер** (Австрия),

Ханлар **Гаджиев** (Азербайджан),

Мирьяна **Лазарова Трайковска** (“Бывшая Югославская Республика Македония”),

Юлия **Лаффранк** (Эстония),

Ксения **Туркович** (Хорватия),

Дмитрий **Дедов** (Россия),

при участии Сёрена **Нильсена**, *Секретаря Секции*.

Решение Суда

[Статья 3](#)

Пытки и унижающее достоинство обращение в Узбекистане

Для начала Суд отметил, что различные органы ООН и международные негосударственные организации более десяти лет выпускают отчеты, выражающие обеспокоенность дефектами системы уголовного преследования в Узбекистане, использованием пыток правоохранительными органами, систематическим преследованием политической оппозиции, а также жестким обращением с некоторыми религиозными группами. Принимая во внимание данные отчеты, а также сходные дела, рассмотренные Судом, у российских властей были существенные основания доверять утверждениям заявителя о риске ненадлежащего обращения по возвращении в Узбекистан. Более того, все документы, представленные узбекскими правоохранительными органами российским властям в ходе правового сотрудничества в экстрадиционных процедурах, четко указывали, что г-н Мамажонов обвиняется в преступлениях мотивированных его политическими и религиозными взглядами.

Несмотря на данные факты, органы прокуратуры и суды в Российской Федерации не рассмотрели должным образом заявления г-на Мамажонова. Заместитель Генерального Прокурора Российской Федерации, полностью полагаясь на дипломатические гарантии узбекских властей, разрешил экстрадицию заявителя без какого-либо рассмотрения указанных рисков. В отношении решений российских судов, Суду представилось невозможным согласовать недавно принятое Постановление Пленума ВС от 14 июня 2012 года, предписывающее судам внимательно рассматривать заявления о риске ненадлежащего обращения с самоограничительной позицией занятой судами в данном деле, в особенности с учетом безусловной информированности Верховного Суда об обеспечительной мере предписанной Европейским Судом властям Российской Федерации. Опираясь на данные выводы Европейский Суд пришёл к выводу, что, несмотря на достаточную обоснованность заявлений г-на Мамажонова, они не были надлежащим образом рассмотрены российскими властями, что нарушило статью 3 Конвенции.

Обращаясь к вопросу о существовании реального риска ненадлежащего обращения для заявителя, Суд отметил отсутствие в последние годы значимых позитивных изменений в уголовно-процессуальной системе Узбекистана, в частности в уголовном преследовании за преступления, мотивированные политическими и религиозными взглядами, а также сведения о риске пыток по отношению к лицам, обвиняемых в их совершении. Суд заключил, что одобрение экстрадиционного запроса в отношении г-на Мамажонова подвергло его реальному риску обращения, нарушающего статью 3 Конвенции.

Исчезновение г-на Мамажонова

Российские власти были осведомлены о реальном риске незаконного насильственного перемещения в Узбекистан и последующем риске пыток и унижающего достоинство обращения в отношении г-на Мамажонова после его освобождения из под стражи. Среди доказательств такой осведомленности особое место занимает упоминание обеспечительной меры, примененной Судом на основании статьи 39 Регламента Суда, в решении прокурора об освобождении заявителя из под стражи. Более того, представитель г-на Мамажонова незамедлительно уведомил власти о риске незаконного перемещения доверителя в Узбекистан сразу после его исчезновения. Тем не менее, российские власти не предприняли защитных мер, с тем чтобы устранить эти риски. Хотя освобождение заявителя из под стражи ранним утром было расценено начальником СИЗО-3 в качестве надлежащей меры обеспечения безопасности г-на Мамажонова, представляется, что освобождение заявителя без сопровождения вне нормальных часов работы СИЗО могло способствовать его исчезновению, в том числе, поскольку его представитель г-н Гладких не присутствовал при данной процедуре, несмотря на свои многочисленные запросы. Более того, после исчезновения г-на Мамажонова власти не предприняли защитных мер для устранения риска похищения, а также в течении нескольких дней не совершали никаких действий в связи с инцидентом, тем самым нивелируя эффективность любых последующих шагов. Данные недостатки в действиях российских властей нарушили обязательство по защите г-на Мамажонова от обращения, противоречащего статье 3 Конвенции.

Рассматривая вопросы эффективности расследования исчезновения г-на Мамажонова, Суд отметил, что недавние законодательные изменения существенным образом увеличили полномочия органов, проводящих расследования, а также, в принципе, предоставили им большие возможности по рассмотрению заявлений об исчезновении заявителя и его возможном похищении. Несмотря на многочисленность действий предпринятых в ходе доследственной проверки и первоначальной стадии расследования, само расследование исчезновения имело множественные недостатки. Во-первых, разрыв в шесть дней между уведомлением об исчезновении г-на Мамажонова и первыми шагами в рамках доследственной проверки был чрезмерным и привел к потере чрезвычайно важного в подобных делах времени. Во-вторых, расследование было сосредоточено на ограниченном количестве версий; а похищение г-на Мамажонова с целью насильственного перемещения за пределы России даже не рассматривалось в качестве версии, несмотря на очевидное сходство с другими делами, в которых экстрадиция в Узбекистан была приостановлена. В-третьих, необъяснимая приостановка следственных действий после августа 2013 года необратимо подорвала эффективность расследования. Исходя из данных выводов, Суд пришел к выводу, что в нарушение статьи 3 Конвенции российские власти не провели эффективного расследования исчезновения г-на Мамажонова и его возможного насильственного перемещения в Узбекистан.

Обращаясь к проблеме ответственности российских властей за исчезновение г-на Мамажонова, Суд пришёл к выводу, что исходя из фактов дела невозможно прийти к выводу о существовании устоявшейся практики российских властей по несоблюдению обеспечительных мер, а также подчеркнул, что каждое подобное дело должно рассматриваться индивидуально. Несмотря на то, что, к сожалению, освобождение г-на Мамажонова из под стражи было

отмечено множеством недостатков, включая освобождение из СИЗО ранним утром, в данном деле не было доказательств причастности российских властей к его исчезновению или бездействию по отношению к незаконному перемещению третьими лицами. Учитывая отсутствие убедительных сведений о местонахождении г-на Мамажонова, Суд не счел возможным прийти к выводу об участии российских властей в его исчезновении. Соответственно, в данном аспекте нарушения статьи 3 Конвенции не было.

Статья 34 (право на подачу индивидуальной жалобы)

Суд подчеркивает, что, согласно статье 34 Конвенции, Высокие Договаривающиеся Стороны приняли на себя обязательство избегать действий или бездействия, которые могут ограничить эффективность право на подачу индивидуальной жалобы.

Отсутствие предпринятых российскими властями защитных мер, направленных на предотвращение исчезновения и возможного перемещения в Узбекистан г-на Мамажонова, а также повторяющиеся инциденты в экстрадиционных делах против России, вынудили Суд прийти к выводу, что российские власти (как минимум) не действовали с надлежащим усердием и пренебрегли предписанной обеспечительной мерой. Очевидно, что исчезновение г-на Мамажонова создало ситуацию, в которой он не мог далее участвовать в рассмотрении дела Судом, а также возможность исполнения постановления была поставлена под сомнение. Соответственно, Суд пришел к выводу, что Российская Федерация не выполнила своих обязательств по статье 34 Конвенции.

Статья 46 (обязательная сила и исполнение постановлений)

Несмотря на то, что выбор конкретных способов исполнения обязательств по статье 46 Конвенции осуществляется государством-членом самостоятельно под надзором Комитета Министров¹, Суд посчитал строго необходимыми дальнейшее максимально усердное уголовное расследование российскими властями исчезновения г-на Мамажонова, а также все иные меры в компетенции властей, направленные на устранение найденных нарушений и исправление их последствий.

В деле *Савриддин Джураев против России*² Суд уже указывал на некоторые меры общего характера необходимые для предотвращения повторяющихся инцидентов в делах по экстрадиции. Хотя Постановление Пленума Верховного Суда от 14 июня 2012 года в принципе позволяет судам осуществлять защиту от нарушений в подобных делах, Верховный Суд сам не последовал ему в деле г-на Мамажонова. Несмотря на данный факт Суд вновь подчеркнул, что надлежащее и последовательное применение данного Постановления Пленума ВС способно улучшить функционирование национальных средств правовой защиты в делах об экстрадиции и депортации.

Статья 39 Регламента Суда

Учитывая, что местонахождение заявителя до сих пор не установлено, найденные нарушения конвенционных прав, а также необходимость надлежащего рассмотрения дела, Суд посчитал необходимым продлить применение обеспечительной мер на основании статьи 39 Регламента Суда до вступления постановления в силу.

¹ Необходимость расследования обстоятельств исчезновения заявителя уже была подчеркнута в решении Комитета Министров, которое было принято в ходе 1176-го заседания: «[Делегаты] твердо настаивают на скорейшем установлении обстоятельств данного инцидента и судьбы заявителя» (§ 96 Постановления).

² Постановление от 25 апреля 2013 года

Справедливая компенсация (статья 41)

Суд постановил, что Российская Федерация должна выплатить г-же Ермолаевой (представителю заявителя) 7500 евро в качестве компенсации за причиненный моральный вред, для ответственного хранения в интересах г-на Мамажонова пока выплата ему данной суммы не станет возможной, а также, в счет покрытия судебных расходов и издержек, 5000 евро г-же Ермолаевой и 11400 евро г-ну Гладких (второму представителю г-на Мамажонова).

Официальный текст постановления составлен на английском языке.

Данный Пресс-релиз составлен Секретариатом и не является обязательным для Суда. Решения и постановления Суда, а также иная дополнительная информация опубликованы на интернет-сайте www.echr.coe.int. Для желающих подписаться на выпуск Пресс-релизов Суда, просьба зарегистрироваться на сайте www.echr.coe.int/RSS/en или следите за нашими сообщениями в Твиттере [@ECHRpress](https://twitter.com/ECHRpress).

Контакты для прессы

echrpress@echr.coe.int | tel.: +33 3 90 21 42 08

Céline Menu-Lange (tel: + 33 3 3 90 21 58 77)

Tracey Turner-Tretz (tel: + 33 3 88 41 35 30)

Nina Salomon (tel: + 33 3 90 21 49 79)

Denis Lambert (tel: + 33 3 90 21 41 09)

Европейский Суд по правам человека был создан в Страсбурге в 1959 году государствами-членами Совета Европы для рассмотрения жалоб о нарушениях Европейской Конвенции по правам человека 1950 года.